

ГОГОЛЕВСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИРИЗМА ПУШКИНА В СВЕТЕ ПУШКИНСКОГО ПОНИМАНИЯ

Тибор Бароти

В своем творчестве Гоголь неоднократно обращается к творчеству Пушкина, имя великого предшественника-современника упоминается в его художественных произведениях и статьях. Отдельную статью он посвятил трагедии Пушкина "Борис Годунов"; в сборнике "Арабески" он публикует небольшую статью под заглавием: "Несколько слов о Пушкине". Гоголь неоднократно упоминает Пушкина и в своей "Авторской исповеди", в "Выбранных местах из переписки с друзьями"; в двух письмах он говорит о творчестве Пушкина: в десятом, названном "О лиризме наших поэтов", и в тридцать первом, названном "В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем же ее особенность".

В предлагаемой статье мы хотели бы обратиться к десятому письму Гоголя "О лиризме наших поэтов", сопоставляя мысли Гоголя с мыслями Пушкина, изложенными в одной из его последних литературных статей "Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико", написанной в конце 1836 года. Статья Гоголя датируется 1846 годом.

Основную мысль статьи, вернее письма Гоголя, обращенного к В.А. Жуковскому, автор определяет так: "...В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твердый возлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости. Не говоря уже о Ломоносове и Державине, даже у Пушкина слышится этот строгий лиризм повсюду, где ни коснется он высоких предметов." (1, с.216) Наряду с Державиным, Ломоносовым и Пушкиным Гоголь упоминает еще и Языкова, но в данной статье мы ограничиваемся только высказываниями Гоголя о Пушкине. Источник лиризма русских поэтов Гоголь видит в том, что русские "поэты видели всякий высокий предмет, в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма – Богом, одни сознательно, другие бессознательно..." (1, с.216)

В дальнейшем Гоголь определяет два предмета, две темы, вызывающие этот лиризм у русских поэтов: первая тема – Россия, а вторая – любовь к царю. Общеизвестно, что современники Гоголя, а также позднейшие его критики революционно-демократического толка начиная с Белинского и других теоретиков натуральной школы, обрушились на Гоголя, видя в приведенных высказываниях писателя исключительно не отвечающую их вкусам реакционную политическую позицию. На самом деле позицию Гоголя нельзя воспринимать ни как политическую, ни как реакционную; скорее ее можно определить, как на редкость чистую форму выражения аристократической позиции духа, как исключительно аутентичный взгляд художника на культуру и на историю.

Гоголь чувствует, что тема России, как предмет лиризма, близка к Библии, потому что историю вообще он воспринимает эсхатологически; отсюда берет начало и его общеизвестный мессианизм. Эсхатология имеет библейские основания, многие места священных писаний Ветхого и Нового Завета содержат пророчества о Царстве Божиим. Поэтому не удивительно, что Гоголь в своем письме вслед за упоминанием России, как предмета лиризма, оговаривается: "...Это что-то более, нежели обыкновенная любовь к отечеству. Любовь к отечеству отозвалась бы приторным хвастаньем. Доказательством тому так называемые квасные патриоты: после их похвал, впрочем довольно чистосердечных, только плюнешь на Россию" (1,216-217). Лиризм русских поэтов, обнаружившийся благодаря предмету изображения, Гоголь осмысляет с эсхатологической точки зрения, видя судьбу страны в свете Промысла Божия и сочетая ее с пророчеством: лиризм "соединяется с каким-то невольным пророчеством о России, рождается от невольного прикосновения мысли к верховному Промыслу, который так явно слышен в судьбе нашего отечества. Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться на земле, назначенной быть нашим отечеством, прозрение прекрасного нового здания, которое покамест не для всех видимо зиждется и которое может слышать всеслышащим ухом поэзии поэт или же такой духовидец, который уже может *в зерне* прозревать его *плод*" (1,с.217). Само собой разумеется, что в приведенных строках говорится не о ка-

кой-нибудь политической или экономической программе вроде утопии. "Всеслышащее ухо поэзии" и "поэта" или "духовидца" представляет собой указание на аристократическую, духовную позицию поэта, такого как Пушкин, вдохновение которого, питаясь трансцендентной истиной, в свете этой истины, в свете трансцендентного опыта может осветить любое явление земной имманентной жизни. Не подлежит сомнению, что универсальная европейская христианская культура основывается на книгах Священного Писания, и не случайно Гоголь, продолжая свои размышления, пишет о пророках избранного народа, о книгах Моисея: "...И в еврейском народе четыреста пророков пророчествовали вдруг: из них один только бывал избранник божий, которого сказанья вносились в святую книгу еврейского народа; все же прочие, вероятно, наговаривали много лишнего, но тем не менее они слышали неясно и темно то же самое, что избранники умели сказать здраво и ясно; иначе народ побил бы их камнями" (1, с.217). А на вопрос, почему другие европейские нации не пророчествуют о себе, а только одна Россия, Гоголь отвечает в духе библейской эсхатологии: "Затем, что сильнее других слышит Божью руку на всем, что ни сбывается в ней, и чует приближение иного Царствия. Оттого и звуки становятся библейскими у наших поэтов" (1, с.218). "Библейские звуки", упомянутые Гоголем, а также "иное царствие" отсылают читателя к Священному Писанию. В Евангелии от Иоанна Иисус Христос отвечает Пилату: "Царство Мое не от мира сего; ... Ныне Царство Мое не отсюда" (Ин.18:36). Далее мы читаем: "Пилат сказал Ему: итак Ты царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает голоса Моего. Пилат сказал ему: что есть истина?" (Ин.18:37-38)

Европейская культура уже в лице первых пророков Ветхого Завета, первых Вестников Царства Божия имела опыт трансцендентной Истины, и нам кажется Гоголь не ошибается, когда лиризм русских поэтов, в том числе Пушкина, связывает с библейской трансцендентной истиной.

Другой источник лиризма, как говорилось выше, Гоголь видит в любви к царю. Во второй части своего письма Гоголь приводит слова Пушкина, произнесенные поэтом в их личной беседе. Почему необходим для государства, для общества полномощный мо-

нарх, который бы "стал выше всех и даже выше самого закона?" (1,с.219). Приведенные далее Гоголем слова Пушкина дают ответ на этот вопрос: потому, что "нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти" (1,с.219).

Затем Гоголь приводит несколько примеров из творчества Пушкина, где в центре художественного изображения стоит акт прощения. Заканчивая свое письмо, Гоголь приводит в качестве примера заключительную строфу из стихотворения Пушкина "Пир Петра Первого" и комментирует стихотворение: "Он перебирает все случаи, радостные царю, которые могли быть причиной пиროвания... и на все это отвечает:

Нет, он с подданным мирится,
 Виноватому вину
 Забывая, веселиться,
 Чарку пенит с ним одну.
 Оттого-то пир веселый,
 Речь гостей хмельна, шумна,
 И Нева пальбой тяжелой
 Далеко потрясена.

Только один Пушкин мог почувствовать всю красоту такого поступка. Уметь не только простить своему подданному, но еще торжествовать это прощение, как победу над врагом, – это истинно божеская черта. Только на небесах умеют поступать так. Там только радуются обращению грешника еще более, чем самому праведнику, и все сонмы невидимых сил участвуют в небесном пиршестве бога" (1,с.227).

Гоголь прав: мотив прощения занимает весьма важное место в творчестве Пушкина, примеров много, начиная с лицейского стихотворения 1814 года "Воспоминания в Царском селе" до "Памятника" 1836 года. Верно и то, что *прощение* занимает весьма важное место в Новом Завете. В Евангелии от Матфея на вопрос Петра: "Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: "до семи", но до седмижды семидесяти раз" (Мф.18:21-22) В Евангелии от Луки

Иисус учит о любви и суде в шестой главе: "Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте и прощены будете" (Лк.6:37). В другой главе Евангелия от Луки мы читаем: "Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему, и если покается, прости ему; И если семь раз в день согрешит против тебя и семь раз в день обратится, и скажет: "каюсь", – прости ему" (Лк.17:3-4)

Статья пушкина "Об обязанностях человека" представляет собой критику сочинения итальянского писателя Сильвио Пеллико. Рецензированная Пушкиным книга итальянского писателя – это второе его произведение, написанное после записок из тюрьмы "Мои темницы". В своей статье Пушкин пишет о жизни и записках Сильвио Пеллико: "Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получив свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, – прочли умиленные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства" (2,с.172). Из-за отсутствия негодования, упреков или ненависти критика с непониманием встретила вторую книгу итальянского писателя, считая ее "сухим догматическим уроком". Для Пушкина, однако, вторая книга становится разрешением тайны первой, открывшей возвышенность прощения человека-христианина. Пушкин признается в первоначальном непонимании: "Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражение нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И, восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга "Dei doveri" устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина." (2,с.172)

В дальнейшем Пушкин сравнивает влияние на читателя книги Пеллико с влиянием Евангелия, о котором пишет: и такова его "вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие." (2,с.172) Само собой разумеется, что Пушкин, оцени-

вая книгу итальянского писателя так высоко, решительно не соглашается с критикой. Так как ход мысли поэта в дальнейшем будет очень важен для итогов наших размышлений по поводу соображений Гоголя насчет лиризма Пушкина, мы приводим полностью этот отрывок: *"Это уж не ново, это было уж сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум не истощим в соображении понятий, как язык не истощим в соединении слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности."* (2,с.173)

Гоголь, незадолго до окончания своего письма, как раз перед приведенным выше отрывком из стихотворения Пушкина о празднике прощения Петра, цитирует отрывок из другого стихотворения Пушкина, из "Героя" 1830-го года, в качестве примера "стремления воздвигнуть падшего":

Небесами

Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь; тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
земли слепой..." (1,с.226)

Гоголь приводит этот отрывок, но пушкинское стихотворение имеет продолжение, и нам необходимо привести его до конца:

Друг

Мечты поэта –
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас, –
И где ж очарованье света!

Поэт

Да будет проклят правды свет,
 Когда посредственности хладной,
 Завистливой, к соблазну жадной,
 Он угождает праздно! – Нет!
 Тьмы низких истин мне дороже
 Нас возышающий обман...
 Оставь герою сердце! Что же
 Он будет без него? Тиран...

Друг

Утешься...

В начале работы мы говорили о том, что Гоголь источник лиризма русских поэтов, в том числе и Пушкина, видит в Библии. В приведенной работе Пушкин пишет о Евангелии, как источнике христианской культуры, усматривая его основное влияние в том, что "пресыщенного миром", "удрученного унынием" человека, т.е. человека "земли слепой", поглощенного одной земной, имманентной "посредственностью хладной и завистливой", оно возвышает, высвобождает из этого духовного рабства и он, возродившись, "погружается духом в ее божественное красноречие".

Критика обвиняла Пеллико в том, что "это уж не ново, это было уж сказано", потому что не замечала главного: того, что в книге писателя было аналогично возвышенной прелести Евангелия. Они не признавали новизну, потому что не замечали, не постигали духом возвышающей прелести истины божественной, той, что для толпы является лишь "обманом". Но для Пушкина, как и для Гоголя, именно этот нас "возвышающий обман" представляет собой "истину", а "тьма низких истин" совсем не истина, будь она научная, историческая или повседневная, потому что, обслуживая вкусы и примитивные требования толпы, она "посредственности хладной, завистливой, к соблазну жадной... угождает праздно!" Эпиграф под заглавием стихотворения: "Что есть истина?" – повторяет слова Пилата, его вопрос, с которым он обращается к Христу. Истина – Христос, и Священные книги, и основанная на них культура. Поэто-

му противопоставление в приведенной выше статье Пушкина слов "мысль" и "мысли" имеют огромное значение: "мысль" – это "низкая истина" посредственной низкой жизни, научная "правда" – в плоскости цивилизации и исторической науки, как дисциплины общего образования.

"Мысли", однако, представляют собой уже "возвышающий обман", это тот же факт, то же событие или явление в свете не естественном, а возвышенном, божественном: благодаря вдохновению освященном божественным светом божественной Истины, открывающейся в трансцендентной культурной традиции, основанной на Священном Писании. Поэтому исторический подход Гоголя, отразившийся в его упомянутой статье, мы считаем более истинным, чем взгляд "историка строгого", быть может обладающего большими знаниями, названного "Другом" в стихотворении Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.В. Гоголь. Собрание сочинений в семи томах, том шестой. М., 1978.
2. А.С. Пушкин. Собрание сочинений в десяти томах, том шестой. М., 1976.